

В. ГУМБОЛЬДТ И СОВРЕМЕННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Тиллаева муясар Ярбазаровна

Научный руководитель

Мейлиева Муклиса Исмаиловна

Шахрисабзский государственный педагогический институт
студентка 4 курса

Абстрактный: В. фон Гумбольдт рассматривается как ученый, заложивший теоретические основы того воззрения на язык, которое сегодня развивается в генеративной лингвистике Н.Хомского. Исследуются конкретные параллели между утверждениями Гумбольдта и Хомского. Вместе с тем показано, в какой мере Гумбольдт является и родоначальником совершенно иного воззрения на язык, связанного в XX веке с дискуссиями вокруг гипотезы Сепира-Уорфа. Несовместимость двух теоретических установок на язык, которые при этом восходят к работам Гумбольдта, заставляют авторов провести различие между динамическим и статическим подходами к языку. Авторы приводят доводы в поддержку первого подхода, отмечая при этом масштаб теоретической мысли Гумбольдта, столь разносторонним образом тематизировавшего проблему природы и функции естественного языка.

Ключевые слова: Гумбольдт, хомский, гипотеза сепира-уорфа, лингвистика, форма, грамматика, синтаксис, семантика.

Введение

В данной статье мы рассмотрим ключевые идеи Вильгельма фон Гумбольдта о языке и их релевантность для современных исследований в области лингвистики.

Основатель современной генеративной лингвистики Н. Хомский в своих работах отсылает к Гумбольдту как основоположнику генеративистского подхода. Здесь мы рассмотрим основные идеи Гумбольдта, которые получили развитие в современной генеративной лингвистике, а также те идеи, которые не вполне соотносятся с современными представлениями о языке, сформулированными в рамках данной дисциплины. Хомский проводит параллель между понятием формы у Гумбольдта и своим понятием внутренней порождающей грамматики. Тем не менее в работах Гумбольдта также встречаются высказывания о глубоких различиях, существующих между

разными языками, а также утверждения о том, что разные языки могут формировать разные картины мира. Помимо этого Гумбольдт говорил о том, что существующие естественные языки обладают разной степенью развитости (от примитивных до развитых языков). Эти идеи перекликаются с философскими идеями о лингвистической относительности (знаменитая гипотеза Сепира - Уорфа). Данные положения противоречат основной установке современной генеративной лингвистики.

В данной статье мы рассмотрим вопрос о том, почему эти идеи не совместимы с основными положениями лингвистики, основанной на идеях Хомского. Мы также выскажем идею о том, в каком смысле гипотеза Сепира - Уорфа является релевантной для современной генеративной лингвистики. Опираясь на идеи Гумбольдта, мы сформулируем тезис о том, что гипотеза Сепира - Уорфа о лингвистической относительности может рассматриваться как правильная, если мы рассматриваем так называемый статический срез языка, однако если мы рассмотрим язык как динамическую порождающую систему, то нам следует отбросить данную идею.

Прежде чем мы рассмотрим конкретные идеи Гумбольдта, которые нашли свое отражение в генеративной традиции, мы представим основные идеи Н. Хомского о языке как порождающей системе. Затем мы исследуем те утверждения в наследии Гумбольдта, которые связаны с концепцией онтологической относительности и гипотезой Сепира - Уорфа и которые резко расходятся с теоретическими постулатами генеративной лингвистики. Мы противопоставим два ключевых воззрения на язык (динамическое и статическое), лежащих в основе этого расхождения. Приведя аргументы в защиту динамической установки и рассмотрев доводы против статической, мы завершим нашу статью указанием на то, что, несмотря на фундаментальные различия в этих двух установках, В. фон Гумбольдт тематизирует каждую из них, что делает его наследие еще более ценным для современного языкознания и философии языка.

Представления о языке в современной генеративной лингвистике

Генеративная грамматика - подход к исследованию языка, который был заложен в работах Н. Хомского. В рамках данного подхода способность к освоению языка понимается как врожденное когнитивное свойство человека. Хомский подчеркивает уникальность языковой способности: человек - это единственное живое существо, способное овладеть языком. Человеческий язык отличается от любых

других систем общения в животном мире. Уникальность этой знаковой системы состоит в том, что она позволяет сформулировать неограниченное количество осмысленных выражений из ограниченного количества отдельных языковых единиц. Откуда мы можем знать, что человеческий язык способен породить бесконечное число предложений? Классическим аргументом в пользу этой идеи является тот факт, что язык обладает рекурсией. Например, предложение «Ваня сказал, что снег бел» может быть составной частью предложения «Олег сказал, что...», которое в свою очередь может быть частью предложения «Настя сказала, что...» и т.д. Понятно, что процесс формирования предложений такого типа не ограничен грамматикой языка, а ограничен лишь временем.

Человек способен овладеть языком в силу того, что он рождается со знанием универсальной грамматики - порождающей системы, общей для всех языков мира. Одним из классических аргументов в пользу идеи универсальной грамматики является тот факт, что

ребенок практически полностью осваивает язык за очень короткий период времени 2-3 года. Этот подход противостоит подходу, который можно выразить тезисом «язык - это его употребление». Второй подход основывается на идее о том, что ребенок осваивает язык благодаря процессу запоминания и статистического анализа большого количества лингвистических данных. Основной проблемой для такого рода подхода, с точки зрения Хомского, является тот факт, что данных, которые ребенок получает за 2-3 года, недостаточно для того, чтобы освоить язык в той мере, в какой он реально осваивается. Ребенок в этом возрасте способен производить и понимать предложения, которые он никогда не слышал.

Помимо этого, в пользу своей концепции Хомский приводит тот факт, что, когда дети совершают ошибки на ранних этапах освоения языка, они спонтанно производят языковые конструкции, реализующиеся в языках, с которыми они не сталкивались, т.е. не существующие в их родном языке [Cram & Thornton, 1998, 2012; Cram et al., 2017]. Речь, конечно, не идет о том, что дети используют лексические единицы, существующие в других языках, которых они никогда не слышали. Речь здесь идет об использовании грамматических конструкций, реализующихся в других языках. Это говорит о том, что дети осваивают язык, перебирая возможные варианты грамматик, совместимых с теми языковыми данными, которые они на данном этапе получили.

Концепция Хомского предполагает, что универсальная грамматика налагает определенные ограничения на возможные естественные языки. Она определяет, какие языки являются невозможными. Так, ключевым свойством всех известных естественных языков является наличие структурных зависимостей. У нас есть интуиции о том, какие слова в предложении формируют общую структуру, иными словами, образуют конститuentу. Так, в предложении «Ваня увидел человека с зонтом» «с зонтом» является конститuentой, а «человека с» не является. Порядок произнесения элементов в конститuentе может различаться в разных языках: так, например, в некоторых языках группа, состоящая из предлога и существительного, произносится в обратном порядке. Однако интуиции о том, какие выражения формируют единую структуру, а какие нет, являются общими для двух типов языков. Интуиции о том, какие выражения являются конститuentами, а какие нет, развиваются как один из аспектов освоения родного языка.

Грамматические правила, управляющие синтаксисом естественных языков всегда отсылают к структуре, а не к линейной последовательности слов. В качестве примера здесь можно привести формирование вопроса в английском языке [Chomsky et al., 2019]. Так, в повествовательном предложении вспомогательный глагол располагается после субъекта «He is happy». Для формирования вопроса

глагол «is» нужно передвинуть в начало предложения «Is he happy?». В данном конкретном примере глагол «is» является первым и единственным. Тем не менее правило, которое должен освоить ребенок, состоит в том, что следует найти и передвинуть главный, а не первый вспомогательный глагол [Crain & Nakayama, 1987; Crain et al., 2017]. Так вопрос, который формулируется на основе предложения «The man who is from Italy is happy», будет звучать как «Is the man who is from Italy happy?», но не как «*Is the man [who _ from Italy] is happy?», где был передвинут первый по счету глагол «is» (последнее предложение является грамматически некорректным в английском языке). С точки зрения Хомского, знание о том, что в естественных языках важна структурная позиция вспомогательного глагола, а не его линейное положение в предложении, является врожденным. Это подтверждается тем фактом, что дети никогда не производят предложений подобных «Is the man [who _ from Italy] is happy?», т.е. они никогда не рассматривают гипотезу о том, что правила языка могут отсылать к линейной зависимости, а не структурной. Таким образом существует связь

между процессом освоения языка ребенком и существующим языковым разнообразием (иными словами, существующими ограничениями на возможные грамматики) [Crain & Thornton, 1998, 2012; Crain et al., 2016]. Хомский указывает на то, что линейные зависимости являются более простыми, чем структурные. Тем не менее языков, в которых синтаксические правила формулируются на основе линейного порядка слов, не существует, они не допускаются универсальной грамматикой. Так, невозможен естественный язык, в котором вопрос формировался бы путем произнесения слов повествовательного предложения в обратном порядке.

Еще одним традиционным аргументом в пользу идеи врожденности универсальной грамматики является то, что глухие дети, не имеющие доступа к разговорному языку, создают жестовые языки, грамматика которых сходна с грамматикой всех остальных естественных языков [Feldman et al., 1978; Kegl et al., 1999; Sandler & Lillo-Martin, 2006]. Известным примером является никарагуанский жестовый язык, который возник в результате коммуникации глухих детей, оказавшихся в окружение себе подобных [Osborn, 1999].

Генеративный подход стремится понять нашу языковую способность как когнитивный механизм, сформировавшийся в ходе эволюционного процесса. Поскольку есть основания полагать, что этот процесс произошел в очень короткие сроки, механизм универсальной грамматики должен быть максимально простым [Bolhuis et al. 2014; Berwick & Chomsky, 2016].

Понимание языка как чего-то «в каждый данный момент преходящего», как «деятельности», предполагающей перманентное изменение в силу «постоянно возобновляющейся работы духа» и свойственного ему творческому началу, которое проповедовал Гумбольдт, также приводит Хомского к необходимости делать важные оговорки. Генеративная лингвистика не может всецело и безоглядно принимать идею языка как живой материи, способной изменяться во всех своих аспектах. Одним из ключевых ограничений «творческого начала» присущего тому или иному естественному языку, по Хомскому, является его грамматика. Язык может пополняться новыми словами, а старые слова могут изменять свои исходные смыслы (в эпоху глобализации мы наблюдаем это на постоянной основе практически во всех языках), однако принципы оперирования этими словами для составления грамматически корректных выражений должны оставаться неизменными. Именно поэтому Хомский делает прямую оговорку:

«Гумбольдт не проводит четкого различия <...> между тем видом "творчества", которое оставляет язык полностью неизменным (как это имеет место в порождении и понимании новых предложений, т.е. той деятельности, которую постоянно осуществляет каждый взрослый индивид), и его видом, которое действительно изменяет набор грамматических правил языка <...> Между тем данное различие является фундаментальным» [Chomsky, 1964, p. 22].

Хомский считает возможным представить в терминах генеративной грамматики определенные аспекты гумбольдтовской формы

языка лишь в той мере, в какой та распространяется на «творческое начало, реализуемое по правилам» (rule-governed creativity) [Chomsky, 1964]. Безграничность и продуктивность должна, по Хомскому, обеспечиваться за счет природы этих правил (т.е. за счет присущей им рекурсивности), но не за счет постоянной возможности видоизменять сами эти правила. Набор грамматических правил является ключевой идентифицирующей составляющей каждого языка. Изменение грамматики означает изменение языка (переход от одного диалекта к другому).

Эти расхождения с идеями генеративной лингвистики не позволяют в полной мере рассматривать Гумбольдта как предшественника этого направления. Те же аспекты его наследия, которые оказываются несовместимыми с традицией Хомского, представляют, тем не менее, интерес для иных направлений языкознания, предвосхитив многие теории, появившиеся уже в XX в., о которых мы упомянем ниже. Здесь же хотелось бы поставить следующий вопрос: является ли описанная несовместимость ряда аспектов концепции Гумбольдта с генеративной лингвистикой следствием специфики последней или же внутри самой этой концепции заложены разнонаправленные тенденции, приведшие в итоге к несовместимым друг с другом воззрениям на язык?

Бихевиористско-таксономическая концепция языка

В «Современных проблемах лингвистической теории» Хомский противопоставляет представление о языке, сформулированное в работах Гумбольдта, так называемому бихевиористско-таксономическому представлению о языке. Восходя к работам У. Уитни (малоизвестного сегодня американского лингвиста, считавшего, что язык является социальным институтом), данная модель языка рассматривала его как «набор слов или выражений, с помощью которых любой человек выражает свои мысли» [ibid., p. 22]. В рамках данного подхода язык рассматривается как набор знаков,

фиксированных фраз и их грамматических свойств, а не как совокупность правил, порождающих язык.

Эта же установка воспроизводилась и в концепции Ф. де Соссюра, который, как известно считал, что связь знака с обозначаемым неразрывна. Хомский пишет: «Соссюр, как и Уитни, рассматривает язык (*langue*) как набор знаков с их грамматическими свойствами, т.е. набор словоподобных элементов, фиксированных выражений и, возможно, некоторых ограниченных типов фраз» [*ibid.*, p. 23]. Можно сказать, что данную установку в известной степени разделяли

также Л. Витгенштейн и У. Куайн. Она открыто провозглашается А. Рантой, одним из основоположников ставшей в последние годы популярной в России теоретико-типовой грамматики [Ranta, 1994, pp. 6-7], и многими другими философами языка. Данную теоретическую установку в отношении языка мы будем называть «статической», противопоставляя ее «динамической» установке Гумбольдта и Хомского.

Если неотъемлемой составляющей самой природы любого языкового выражения является предметное (смысловое) значение, с которым это выражение сопоставляется в языке, то, разумеется, прямым следствием этого будет та или иная картина мира (онтология), которая соответствует тому или иному языку как набору содержательных знаков. И, разумеется, разные языки будут обладать разными онтологиями в точном соответствии с пониманием языка как зеркала природы [Витгенштейн, 1994] или концептуальной схемы, представляющей собой сеть связанных теоретических понятий, которые в своем единстве задают ту или иную онтологию в зависимости от того, как реализуется «соприкосновение» периферийной части этой схемы с эмпирической реальностью (чувственным опытом) [Quine, 1939; 1969].

Сходным образом если языковые выражения и связанные с ними смыслы раз и навсегда зафиксированы в языке, то и понятийная составляющая языка оказывается строго фиксированной. Обладать языком означает оперировать определенным набором понятий, являющихся обозначениями содержащихся в нем общих или абстрактных терминов. Данная установка оказывается, таким образом, связанной и с тезисом Сепира - Уорфа о детерминированности мышления языком. Неудивительно, что российский философ С.Ю. Бородай, один из современных сторонников гипотезы (или принципа) Сепира - Уорфа, провозглашающий лозунг «Назад к Уорфу!», пишет: «Природа языка не объяснима чисто формальными характеристиками.

То, что принято называть формальной системой, или внутренней формой, находится в зависимости от содержания» [Бородай, 2019, с. 115].

По-видимому, в рамках такой установки на природу языка мы, действительно, получаем картину, при которой носители разных языков «живут» в разных мирах, а их мышление реализуется разными способами. И если подобные выводы действительно связаны со статическим видением языка, то тогда, возможно, наследие Гумбольдта можно рассматривать и не только как исследующее язык в его динамической перспективе, но также и в статической. Гумбольдт, таким образом, несмотря на его критику статического подхода, может предстать как исследователь, показавший те следствия, к которым этот подход ведет, и тем самым предложившим конструктивную разработку этой составляющей языка, став предшественником целой традиции в современном языкознании.

Динамическая vs статическая модели языка в современном языкознании

Как известно, существует ряд возражений против концепции онтологической относительности, равно как и против гипотезы Сепира - Уорфа, которые ставят под вопрос корректность лежащего в их основе статического понимания языка. В то же время существует ряд аргументов (в том числе и тех, что ссылаются на конкретные эмпирические данные) в поддержку динамического подхода к языку и связанного с ним выделения такой формальной составляющей, как набор грамматических правил, не связанных необходимым образом с предметным значением тех выражений, на которые эти формальные правила распространяются. В этом разделе мы рассмотрим некоторые из упомянутых возражений и сделаем отсылки к аргументам в пользу того, что Хом-ский называл «автономностью синтаксиса» [Chomsky, 1957].

Концепция онтологической относительности, развивавшаяся в работах У. Куайна и Д. Дэвидсона (см., например [Рогонян, 2018; Макеева, 2011]), в известной степени может рассматриваться как безобидная, т.е. не имеющая радикальных негативных последствий установка. Если интерпретация того или иного фрагмента языка может осуществляться на том или ином универсуме сущностей (объектов), то вполне возможно, что эти универсумы могут быть разными (т.е. один и тот же язык может быть проинтерпретирован на более чем одном универсуме). Идея У Куайна о недоопределенности природы языком

[Куайн, 2005], понимаемая таким образом, вполне совместима и с динамической установкой по отношению к языку, ибо автономность синтаксиса также предполагает применимость одной и той же грамматики к разным универсумам.

Однако концепция онтологической относительности может рассматриваться и в более сильной версии, согласно которой любая реальность по определению задается (конструируется) языком, а поэтому наличие двух разных языков с необходимостью предполагает наличие двух разных реальностей. Данный взгляд был сформулирован еще Витгенштейном («Границы моего языка означают границы моего мира»). У Куайна был совмещен с постпозитивистским пониманием внеязыковой реальности исключительно как бессвязного потока чувственных данных (стимулов), которые упорядочиваются той или иной концептуальной системой, фиксируемой языком, который постулирует существование тех или иных сущностей и устанавливает между ними те или иные связи, стараясь наилучшим образом согласовать воспринимаемый поток стимулов [Quine, 1961; 1969b]. Это видение онтологической относительности было воспринято релятивистской философией второй половины XX в. [Rorty, 1979; Филатов и др., 2009], и именно оно может быть связано со «статическим»

пониманием отдельных языков, ведущим к общему лингвистическому и онтологическому релятивизму.

Основным возражением против данной версии концепции онтологической относительности и связанной с ней семантики, в которой те или иные элементы универсума являются эпифеноменом языка, будучи просто постулированными в нем сущностями, является так называемая теория прямой референции [Kripke, 1972; Putnam, 1974]. В этой традиции, как известно, было показано, что объекты универсума могут быть «первичными» по отношению к обозначающим их терминам и не сводиться ни к какому из описаний, ассоциированных с этими терминами. Данные темы были освещены во множестве работ, и мы ограничимся отсылкой читателя к некоторым из них].

Что же касается зависимости мышления от используемого языка и гипотезы Сепира - Уорфа, то здесь стандартно рассматривают три версии этой гипотезы (сильную, ограниченную и слабую) и показывают, что сильная не выдерживает критики, ограниченная остается недоказанной, а слабая не имеет значимых следствий (см., например [Elbourne, 2011]). Сильная версия этой гипотезы связывается с утверждениями, подобными следующему пассажиру из Уорфа и

предполагает детерминированность мышления (т.е. тех понятий, которые мы используем в мышлении) языком: «Мы расчленяем природу по линиям, задаваемым нашим языком. Выделяемые нами в мире категории и типы мы не обнаруживаем в нем самом в силу их доступности любому наблюдателю. Дело обстоит наоборот: мир представляется в качестве калейдоскопического потока впечатлений, которые должны быть так или иначе организованы в нашем сознании, т.е. посредством языковой системы нашего сознания» [Whorf, 1956, pp. 213-214].

Довольно сложно понять, в чем конкретно может заключаться продуктивная сторона сильной версии этой гипотезы в силу наличия вполне очевидных контрпримеров. Не секрет, что множество общих понятий, которые мы можем сформулировать, не фиксируются в языке. Например, в русском языке не фиксируется понятие, зафиксированное в английском языке термином «sibling». Между тем носители русского языка не имеют сложностей с пониманием того, о чем идет речь. Сходным образом, глухие от рождения дети, выросшие в изоляции от других глухих и не имевшие возможности освоить жестовый язык², тем не менее были способны выполнять сельскохозяйственные и промысловые работы, что однозначно говорило о наличии

См., например [Devitt, Sterelny, 1999; Иванов, 2009; Джохадзе, 2017]. Жестовые языки являются не набором иконических знаков, используемых для трансляции мысли, подобно пантомиме, и не знаковыми коррелятами звуковых языков, а такими же самостоятельными естественными языками, организованными по правилам грамматики, как и звуковые языки (см., например [Sacks, 1989; Jakendoff, 1994; Pinker, 1994]).

у них понятий при отсутствии языка [Sacks, 1989; Schaller, 1991; Pinker, 1994]. Эти факты, по-видимому, говорят о ложности сильной версии гипотезы Сепира - Уорфа.

Согласно ограниченной версии этой гипотезы в ряде случаев носители того или иного языка склонны усматривать в мире те свойства или отношения, которые происходят исключительно из свойств и отношений между элементами их языка. Так, П. Гордон [Gordon, 2004] и Д. Эверетт [Everett, 2008] утверждали, что у представителей племен Амазонии, в языках которых числовые различия присутствуют очень условно и нет эквивалента привычным обозначениям чисел (есть только условные «один»-«два»-«много» или даже «немного»-«много»), нет также и понятия чисел. В подтверждение этого приводились данные

экспериментов, демонстрировавшие, что носители таких языков не различали между концептом «три» и концептом «четыре».

Сходным образом приводились данные из языков, в которых пространство концептуализировано не относительно субъекта, а абсолютно (если в индоевропейских языках есть понятия «справа»-«слева» (от говорящего), то в таких языках пространство концептуализируется абсолютно и пространственные отношения задаются, исходя из объективных, а не относительных координат: «к северу», «к югу» и т.д., см., например [Levinson, 2003], а также обзорное обсуждение этой и связанных тем в [Бородай, 2013]). Эксперименты показывают, что в ситуациях, не предполагающих использования локализирующих терминов, упорядочивание пространства у носителей этих языков все равно осуществляется абсолютным образом, даже если ситуация предполагает обратное. Например, участник эксперимента (носитель языка гуугу йимитирр, одного из языков австралийских аборигенов) смотрит на упорядоченную последовательность объектов А, Б и В, где А, Б и В упорядочены слева направо и А, скажем, ближе к западу, В - к востоку, а Б - посередине. Затем тестируемого разворачивают на 180 градусов и предлагают выбрать такую же последовательность, как исходная, из двух других вариантов: в одном варианте А, Б и В всё так же упорядочены слева направо (но теперь, поскольку человек развернулся, отношение этих объектов к направлениям компаса изменилось: А ближе к востоку, В - к западу, а Б - между ними), во втором варианте А всё так же ближе к западу, В - к востоку, а Б - между ними (их упорядоченность относительно индивида, соответственно, обратная: В - слева, А - справа, а Б - посередине). Носители языков с абсолютным пространственным упорядочиванием выбирали второй вариант, считая его таким же, как и первый, что может быть неожиданно для носителей языков с относительной организацией пространства.

Из этих данных делались выводы о влиянии языка на мышление и концептуализацию мира его носителями. Стандартное возражение здесь не предполагает отрицания данных описанных экспериментов,

а указывает на то, что эти данные могут скорее говорить о том, что культура носителей упомянутых языков, а не сами языки, предполагает соответствующее мировоззрение или иными способами задает их поведенческие предпочтения. Так, Э. Невинс, Д. Песетский и С. Родригез [Nevins, Pesetsky & Rodriguez, 2009] увязывают отсутствие чисел у Пираха с культурой охотников-собирателей, не имеющих торговли или

сложной системы управления. Сходным образом можно сказать, что склонность носителей гугу йимитирр действовать, исходя из абсолютного упорядочивания окружающего мира диктуется их культурой, а не языком. Язык в лучшем случае лишь отображает это. Здесь вспоминаются известные способы обучения крестьян в царской армии концептам «лево» и «право» через термины «сено» и «солома», что свидетельствовало об изначальном отсутствии у них соответствующих концептов. При этом, разумеется, нельзя сказать, что они говорили со своими командирами, у которых эти концепты были, на разных языках. Освоение ими концептов «лево» и «право», возможно, обогащало их картину мира и словарь, но вряд ли они от этого начинали говорить на новом языке. В современном мире мы постоянно обретаем новые концепты, обогащая при этом и наш словарь, но мы от этого не начинаем говорить на новом языке. Более того, используемый язык здесь вряд ли может быть инстанцией, детерминирующей существования этих концептов.

Существуют и другие аргументы в пользу так называемой ограниченной теории детерминирования языком мышления, однако все их сторонники оказываются перед необходимостью доказать, что наблюдаемые ими особенности поведения или мышления диктуются именно языком³. А поскольку, как мы попытались продемонстрировать, представление подобного доказательства является задачей чрезвычайно сложной, ограниченная версия гипотезы Сепира - Уорфа также не может быть принята.

Наконец, наиболее слабая версия гипотезы Сепира - Уорфа предполагает, что наш способ стереотипного мышления о некоторых темах может регулироваться особенностями нашего языка. Так, эксперименты, проведенные психологом Л. Бородитски и ее коллегами [Boroditsky et al., 2003], показывают, что люди склонны приписывать «женские» качества объектам, описываемым существительными женского рода, и «мужские» качества объектам, описываемым существительными мужского рода. Это зависимость работает не только

³ В обзорной статье С.Ю. Борода [Бородай, 2019] приводятся и иные аргументы в поддержку зависимости мышления от языка. Более подробное исследование этой темы лежит вне целей данной статьи, однако приведенная аргументация указывает на общее направление, по которому могут строиться возражения многим аргументам такого

рода. В последующих работах мы надеемся обсудить эти темы в более продуктивном ключе.

на уровне языков, за которыми стояли культуры, но проявлялась и в случае с вымышленными языками, у которых не было носителей, разделяющих ту или иную культуру.

Подобного рода закономерности, действительно, интересны, однако вряд ли могут быть рассмотрены как всерьез детерминирующие мировоззрение или мышление. Стивен Пинкер указывает, что никто, например, в Германии не попытается приглашать мост на свидание на том основании, что немецкое слово «Brücke» женского рода.

Таким образом, сильные релятивистские аргументы относительно влияния языка на мировоззрение или мышление сталкиваются с многочисленными возражениями, которые мы считаем серьезными, убедительными и демонстрирующими их проблематичность. Вместе с этим под сомнение ставится и статическая модель языка, которую Хомский называл «бихевиористско-таксономической», а сфера ее востребованности оказывается весьма ограниченной.

Вместе с тем существует и ряд аргументов в пользу «динамической» гумбольдтовской модели. Наиболее известным аргументом является, как мы уже сказали, тезис Хомского об автономности синтаксиса от семантики, наиболее яркой и известной иллюстрацией которого является, пожалуй, фраза «Бесцветные зеленые идеи неистово спали», которая, как указывает Хомский, воспринимается носителями языка как грамматически корректная, несмотря на ее полную бессмысленность. В своих последних работах мы исследуем новые доводы в поддержку того видения языка, которое мы связали здесь с Гумбольдтом и Хомским. Мы исследуем вопрос о соотношении когнитивной согласованности значения утверждений с их грамматической корректностью, увязывая этот вопрос с рядом аргументов относительно языка, делавшихся на протяжении XX в. в аналитической философии. В работах [Вострикова, Куслий, 2019] и [Вострикова, Куслий, в печати] мы показываем, что тот факт, что утверждения, содержащие противоречия («Ты не ты») и категориальные ошибки («Цезарь есть простое число»), в естественном языке грамматически корректны, несмотря на их когнитивную несогласованность, является неслучайным и следует именно из того обстоятельства, что правила, которые определяют формальную корректность выражений в том или ином естественном языке, не

учитывают предметного значения конкретных содержательных терминов. Словарь языка (то, какие содержательные термины соотносятся с какими смыслами), по Хомскому, не является частью его грамматики, а потому и не является идентифицирующим элементом языка. Языки и их словари меняются с течением времени (даже в рамках жизни одного человека), но мы необязательно при этом считаем, что человек говорит в разные времена на разных языках. Есть один неизменный элемент на протяжении всего этого времени, благодаря которому всегда можно рассматривать человека как говорящего на протяжении всей

своей жизни на одном языке, и этим элементом является грамматика (его родного языка).

Грамматическая корректность не детерминируется отношением языка с миром, что дополнительно образом подтверждается тем обстоятельством, что так называемые структурно противоречивые утверждения (т.е. те, что являются противоречивыми в силу значения входящих в них функциональных терминов) оказываются грамматически некорректными (пример «На столе каждая ваза») [Gajewski, 2002].

Заключение

Статический взгляд на язык предполагает рассмотрение его словаря как связанного неразрывным образом с теми объектными значениями, на которые элементы этого словаря указывают. При этом взгляде возникают основания для обоснованности гипотезы Сепира - Уорфа и многих из тех следствий, которые из нее делали философы языка XX в. Между тем, применимость этой установки имеет свои ограничения, а сама она оказывается неспособной объяснить ряд важных эмпирических феноменов, а также сталкивается с серьезными концептуальными и фактическими контрпримерами. Наиболее предпочтительной относительно природы языка является динамическая установка, которая, основываясь на идее автономности синтаксиса, рассматривает в качестве основного конститутивного элемента языка его грамматику, т.е. те формальные правила, которые обеспечивают порождение бесконечного числа грамматически корректных выражений (независимо от того, оказываются они осмысленными или нет).

Современным выразителем этой установки является генеративная лингвистика Н. Хомского, которая, в свою очередь, опирается на наследие В. Гумбольдта, который в своих работах не только тематизировал динамическую установку на язык, но и заложил основы для

понимания природы статической установки. Уникальность концепции Гумбольдта в том, что в ней гармоничным образом сочетаются установки, противоположные друг другу в современном языкознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бородай, 2013 - Бородай С.Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 17-54.

2. Бородай, 2019 - Бородай С.Ю. Язык и познание: пострелятивистская исследовательская программа // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 106-136.

3. Витгенштейн, 1994 - Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы Часть I. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой; пер. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 612 с.

4. Вострикова, Куслий, 2019 - Вострикова Е.В., Куслий П.С. Тавтологии и противоречия в философии языка: когнитивные и грамматические аспекты // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. № 4. С. 82-102.

5. Вострикова, Куслий, в печати - Вострикова Е.В., Куслий П.С. Грамматикализация категориальной ошибки и естественный язык // Вопросы философии. 2020 (в печати).

6. Гумбольдт, 2000 - Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.

7. Декарт, 1950 - Декарт Р. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1950. 712 с.

8. Джохадзе, 2017 - Джохадзе И.Д. В защиту семантического экстернализма. Аргументы Хилари Патнэма // Философский журнал 2017. Т. 10. № 1. С. 154-162.

9. Иванов, 2009 - Иванов Д.В. Судьба метафизики в аналитической философии: Карнап, Куайн, Крипке // Философские науки. 2009. № 4. С. 99-113.

10. Куайн, 2005 - Куайн У. Еще раз о неопределенности перевода // Логос. № 2 (47). 2005. С. 32-45.

11. Макеева, 2011 - Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. М.: НИУ-ВШЭ, 2011. 312 с.

12. Рогонян, 2018 - Рогонян Г.С. Дэвидсон об истине, нормах и диспозициях // *Epistemology & Philosophy of Science*/ Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 68-83.

13. Филатов и др., 2009 - Филатов В.П., Касавин И.Т., Рузавин Г.И., Антоновский А.Ю. Обсуждаем статьи о конструктивизме // *Epistemology & Philosophy of Science* / Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 20. № 2. С. 142-156.